

Публикуются на сайте с разрешения правообладателя.

«Люби Россию в непогоду» (2006) Публицистика (М., Вагриус, 2006)

Борис Васильев

ВКУСИВШИ ПЛОДА...

Кому как, а ко мне первое познание пришло с возрастом. А первое познание, за которым, как известно, немедленно последовало суровое изгнание из Рая, Библия описывает так: "И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясание." (Глава 3, стих 7)

И я постепенно, по капелькам познавал, что наг есмь, что стыд существует не только за собственную наготу, но, прежде всего за наготу других, и что именно это чувство - чувство непереносимого стыда за других - Библия и поставила во главу угла всей человеческой нравственности. С возрастом количество перешло в качество, и ныне я испытываю мучительное чувство стыда не только за себя, но и за других. Глаза мои открылись: я понял всю тяжесть существования вне животного облика личности и вне животного образа жизни.

Мне стыдно за все, вольно или невольно сотворенные мною грехи. От этого мучительного стыда я просыпаюсь среди ночи и долго не могу уснуть.

Мне стыдно, что я давно не посещал могил моих родных и близких. Не стоял над ними в безмолвии, уйдя в воспоминания о тех, кого уже нет. И, отрешившись от суеты земной, не прикасался к их по-советски коллективному надгробью.

Мне стыдно, что я редко звоню своей сестре. Больному старому человеку, так и не нашедшему успокоения в сердце своем.

Мне стыдно, что я бессовестно долго не звонил учителям своим, наставившим и благословившим меня на горную стезю русской литературы. Потом я нашел в себе силы, я позвонил и повинился, я послал им свою последнюю работу, которой они остались довольны. Я покался пред ними, но мне не стало легче, потому что я не покался во всем том, в чем был и не был виноват.

Мне стыдно перед моей больной, старой собакой. Да, дни ее были сочтены, а предстоящая смерть - длинна и мучительна. Но кто, кто дал мне право распоряжаться судьбою верного, преданного и любящего меня друга? Я до сей поры помню ее все понимающий взгляд, когда последний раз потрепал ее по загривку...

Мне стыдно за нашу армию. За раздавленных 9-го апреля 1989 года девочек и женщин в Тбилиси. Егор Яковлев, Александр Гельман и я прощались с ними в день их похорон, и боль, которую я тогда испытал, не отпустит меня до последнего вдоха.

Мне до боли стыдно за нашу Государственную Думу. Стыдно за всех, может быть, за исключением одного лишь Иосифа Кобзона, совершившего поступок, достойный интеллигентного и принципиального человека. Дума сознательно и последовательно разрушает Россию, исходя из партийных, то есть, прежде всего - корыстных интересов.

Мне мучительно стыдно за то, что мы натворили в Чечне. Стыдно перед всем ее народом, потому что нет на свете плохих народов - есть лишь плохие правители.

Мне стыдно смотреть в глаза матерям, русским и нерусским, потерявшим своих сынов на той, позорной для России Чеченской войне, на иных войнах и - особенно - в мирные дни. Простите меня, если можете. Ради Бога, простите.

Мне, сыну офицера, надевшему военную форму в семнадцать лет, стыдно за наших генералов. Стыдно за их матерщину, антисемитизм, грубость, недалекость, ура-патриотическое шапкозакидательство. Стыдно за их пренебрежительное отношение к солдатам и офицерам, за их мелочное и немелочное воровство. Стыдно за то, что они носят форму армии, разгромившей фашистскую Германию.

Мне больно и стыдно за не похороненных солдат, погибших как на полях Великой Отечественной, так и в малопочтенной Чеченской. Павший в бою солдат всегда выше, достойнее и благороднее любого генерала.

Мне стыдно за то, что мы - все мы, не только Правители наши! - вспоминаем о чуде выживших солдатах Великой Отечественной только в День Победы. Я - с вами, солдаты! С вами, последние мои однополчане. С вами - до конца.

Мне стыдно за моего Президента. Я дважды с открытым сердцем голосовал за него, но совесть не позволяет мне промолчать. Я ни в чем его не обвиняю, кроме принципиального пренебрежения к собственному президентскому слову. И когда он, как то было с Немцовым и Кириенко, кому-то обещает, что не расстанется с ним до конца собственного президентства, я уже не верю его словам. Я знаю, что он, то ли под влиянием утреннего дурного настроения, то ли из-за собственных просчетов, уволит именно этого человека в первую очередь.

Мне стыдно за наших демократов, разменявших энтузиазм конца восьмидесятых на амбициозные, узко групповые интересы. Это ведь по их вине в России нет единого Народного фронта борьбы против вчерашнего коммунистического мракобесия и мракобесия сегодняшнего, Баркашовско-патриотического.

Мне стыдно за Правительство, накачивающего деньги в дырявый бюджет с помощью дешевой водки в наполовину спившейся стране.

Мне очень стыдно за наше телевидение, так и не определившее для себя иных задач, кроме чисто коммерческих и тошнотворно развлекательных.

Я испытываю глубокий стыд перед нашими женщинами, обреченными видеть спивающихся мужей и сынов, выкраивать считанные гроши из семейного кошелька и слушать бесконечную грязную брань.

Мне стыдно за наших детей, лишенных детства, а зачастую и матери с отцом. Я заставляю себя смотреть в их горькие, недетские глаза, то и дело глядящие с экранов телевизора в мою душу.

Мне мучительно больно и невыносимо стыдно заканчивать свою жизнь в стране, с матом и гоготом пропивающей собственную великую культуру. Мы звереем и опускаемся все ниже и ниже, уже прочно забыв, что существуют понятия нравственности и порядочности, стыда и совести, долга и чести.

Я отсчитываю последние дни до собственного семидесятипяtilетия спазмами собственного сердца. Но я верю в завтрашний день России. Верю, что кому-нибудь постучится в душу совесть, как постучалась ко мне, верю, что к прозревшим единицам прибавятся десятки, а к десяткам - тысячи, и мы - завтра, завтра! - пойдем, наконец, что свое величие Россия опирала не на атомные бомбы, а на могучий талант нашего народа, подкрепленный столь же могучей нравственностью. И на равных вернемся туда, откуда насильственно, с великой болью и кровью вырвала нас Советская власть. В Европу.

Опомнись, пьяная, побирающаяся, матерящаяся, в полсилы работающая Россия. Я знаю, ты неповинна в бедах своих. Зверски изнасилованная, оплеванная, разутая и раздетая большевиками душа твоя надломилась под тяжестью жертв, принесенных тобою на алтарь безумной идеи. Мы до оскомины вкусили с Древа Коммунистического познания Добра и Зла. Пора уходить из Коммунистического рая в нормальную жизнь, и я, старый русский писатель, заклинаю тебя сделать наконец-то этот последний, решающий шаг.

Хватит демонстрировать всему миру бесстыдную наготу своей хмельной души. С этого Завета началась жизнь человеческая. Вторым Заветом был долг: трудиться в поте лица своего ради хлеба насущного.